

© 1999 г. О.В. ФЕДОРОВА

ИНТРОДУКТИВНАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ ИМЕНИ В БЕЗАРТИКЛЕВЫХ ЯЗЫКАХ*

0. ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья посвящена типологическому исследованию особого показателя интродуктивной референции имени (обычно в этой роли выступает числительное или неопределенное местоимение со значением 'один') в безартиклевых языках. Считается, что исторически во многих языках, сейчас относящихся к артиклевым, неопределенный артикль восходит к неопределенному местоимению или числительному со значением 'один' (например, в романских, болгарском, албанском и т.д.). Однако в разных языках существует разная степень грамматикализации неопределенного артикля. Так, например, в турецком языке, который относится к одноартиклевым, неопределенный артикль *bir* трудно четко отграничить от числительного *bir* «один» (см. [Givón 1981; Виноградов 1990]).

В ходе обобщающего типологического исследования необходимо будет дать ответы, в частности, на следующие вопросы:

- Существуют ли языки, в которых показатель интродуктивной референции имени не совпадает по форме с числительным со значением 'один'?
- Как различаются языки по степени обязательности использования показателя интродуктивной референции?
- От каких причин зависит употребление данного показателя в языках с факультативностью или же этот выбор вообще носит случайный характер?
- Насколько данный показатель многофункционален в различных языках и существуют ли языки, в которых он выполняет исключительно интродуктивную функцию?
- Как варьирует от языка к языку роль показателя интродуктивной референции в построении интродуктивного высказывания?

В первой части статьи вводятся и определяются основные понятия данной работы, термин «интродуктивная референция» рассматривается в свете различных лингвистических традиций. Вторая часть посвящена описанию функционирования неопределенного местоимения *один* в русском языке: в пункте 2.1 рассматриваются отечественная и зарубежная традиции описания неопределенного местоимения *один*, затем (пункт 2.2) проводится функциональный анализ семантики интродуктивных предложений с неопределенным местоимением *один*, на основании которого (пункт 2.3) подводятся основные итоги. В третьей части настоящего исследования описывается функционирование интродуктивного показателя в других безартиклевых языках. Во введении к ней обсуждаются вопросы размера, репрезентативности и «надежности» представленной выборки языков, затем рассматриваются интродуктивные предложения различных безартиклевых языков (пункт 3.2). В пункте 3.3 делаются основные выводы относительно употребления показателя интродуктивной референции имени в безартиклевых языках.

* Автор выражает глубокую признательность А.Е. Кибрику за высказанные замечания и помощь в процессе работы над статьей.

В настоящей работе термин «интродуктивная референция» используется в трех различных значениях: традиционном, когда объект известен только говорящему; с точки зрения противопоставления интродуктивной и повторной номинации и, наконец, для обозначения релевантных (важных) объектов дискурса. Первые два значения будут определены в данной части работы; третье – в разделе 2.2, посвященном анализу русского неопределенного местоимения *один*.

Традиционно (см., например, [ЛЭС 1990: 411]) *референция*, т.е. отнесенность актуализованных имен к объектам действительности (референтам), определяется тремя основными факторами: синтаксическим, логико-семантическим и прагматическим. С прагматическим фактором связано различие видов референции по их отношению к фонду знаний собеседников. Если речь идет о предмете, известном только говорящему, то это *интродуктивная* референция; если речь идет об объекте, известном как говорящему, так и адресату, то это *идентифицирующая* референция; если речь идет об объекте, не входящем в фонд знаний собеседников, то это *неопределенная* референция.

В вышеприведенном определении термин «интродуктивная референция» используется в одном из трех возможных значений: объект известен говорящему, но еще не знаком адресату. Подобную референцию чаще называют специфической неопределенной референцией имени [Арутюнова 1983] или говорят о референтном денотативном статусе слабой определенности [Падучева 1985], или о полуопределенности [Крылов 1989]. Однако термин «специфическая неопределенная референция имени» используется и в другом смысле (см., например, [Haspelmath 1997]): ИГ является специфически неопределенной, если говорящий предполагает существование неизвестного слушающему однозначно идентифицируемого референта. Этот референт данной ИГ может быть известен или неизвестен говорящему (то есть это понятие совпадает с понятием референтности ИГ в отечественной традиции).

Прагматический фактор референции можно рассматривать и с другой, функциональной точки зрения, противопоставляя введение новых референтов (интродуктивная референция во втором значении этого термина) и обращение к уже введенным (поддержание референции). В данной работе термин «интродуктивная референция» будет закреплен именно за таким пониманием, т.е. *интродуктивная референция* – это отнесенность впервые вводимых имен к объектам действительности, а *интродукция* – собственно введение объектов в нарративный дискурс.

В основу исследования положено несколько исходных представлений о феномене интродукции. В самом общем прототипическом виде интродуктивное высказывание состоит из трех основных элементов: привязка¹ – бытийный элемент – ИГ. При введении нового референта в референциальное пространство дискурса говорящий, в зависимости от целого ряда факторов, в том числе и от представлений о центральности референта в референциальном пространстве дискурса, может использовать различные языковые средства: порядок слов, отдельное интродуктивное предложение, употребление имени собственного и многие другие. В этом ряду находится и использование формального показателя интродуктивной референции имени. Как показало наше исследование [Федорова 1994], можно выделить некоторое пространство типологических возможностей естественного языка относительно способов кодирования операции введения референта в референциальное пространство дискурса. В разных языках по-разному решается проблема выбора своего набора средств, отвечающих за введение референта; в некоторых языках удается выделить какое-либо доминирующее средство, в других интродуктивный потенциал оказывается равномерно распределен между многими языковыми способами кодирования.

Референциальное пространство нарративного дискурса (рис. 1)

¹ Термин «привязка» используется для обозначения тех общих знаний о мире, которые, по мнению говорящего, имеются в сознании как говорящего, так и адресата сообщения.

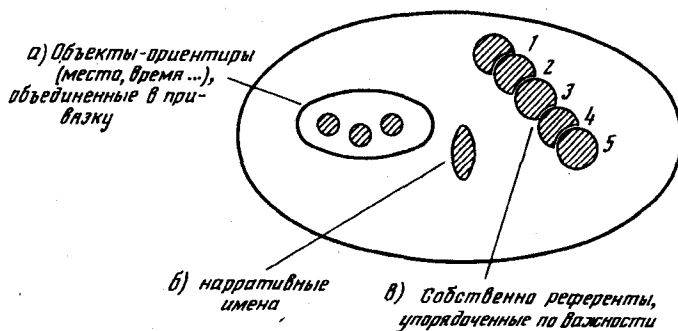

Рис. 1. Референциальное пространство нарративного дискурса

понимается как множество референтов данного дискурса с определенным для каждого из них местом в данном пространстве (в работах Т. Гивона подобное явление называется универсумом дискурса).

Референциальное пространство нарративного дискурса включает в числе прочего следующие составляющие: а) объекты-ориентиры (*место, время...*), которые образуют привязку; б) так называемые нарративные имена, имеющие семантический актант 'содержание': ментальные (*мысль, идея*), событийные (*происшествие, история, эпизод*); собственно нарративные (*рассказ, басня, вывеска*); оценочные (*горе, радость, неприятность*).

- (1) *Короткое пребывание Маргариты под вербами ознаменовалось одним эпизодом. В воздухе раздался свист, и черное тело, явно промахнувшись, обрушилось в воду.* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита)
- (2) *Нам вспоминается одно довольно оригинальное событие, которое развернулось на наших глазах в поезде, не доезжая Новороссийска.* (М.М. Зощенко. Происшествие)

Данные нарративные имена имеют очень высокий интродуктивный потенциал (в смысле ожидания продолжения повествования), однако сильно отличаются от всех остальных тем, что не вводят в референциальное пространство дискурса нового референта, а лишь сигнализируют об обязательности его введения.

Наконец, в референциальное пространство входят собственно референты (пункт в) на рис. 1, упорядоченные по релевантности (важности) в данном дискурсе. Каждый референт некоторого нарративного текста занимает свое определенное место в иерархии важности действующих лиц данного нарратива. Вопрос о количестве выделяемых персонажей, как и вопрос о критериях, по которым происходит это выделение, решается разными исследователями дискурса по-разному. Так, например, У. Чейф [Chafe 1994] выделяет три типа персонажей: первой, второй и третьей степени важности. Наиболее важные персонажи, по Чейфу, являются протагонистами, которые находятся в центре всего повествования. Вторые по важности подчинены первым, однако играют важную роль в развитии сюжета. Третьи – эпизодичны, они появляются лишь для выполнения определенной функции. Т. Гивон считает основным различием важных и неважных референтов (см., например, [Givón 1989b; 1993]). Т. Пэйн в работе [Payne 1988], основываясь на методике Гивона, изложенной в [Givón 1983], выделяет четыре статуса персонажей: **ц е н т р а л ь н ы е** персонажи (они проходят через все действия и не теряют своего статуса, когда не упоминаются на протяжении некоторого целого эпизода); **н е ц е н т р а л ь н ы е**, но важные персонажи (они держатся в памяти не менее пяти предложений без упоминания)²; **п о с т о я н н ы е** персонажи (они автоматически присутствуют в дискурсе, такие как *солнце, дождь* и т.п.); **н е в а ж н ы е** персонажи (все остальные).

² По методике Гивона, для определения важности персонажа определяется встречаемость данного персонажа в 20 последующих предложениях после некоторого упоминания. Чем больше расстояние, тем важнее персонаж.

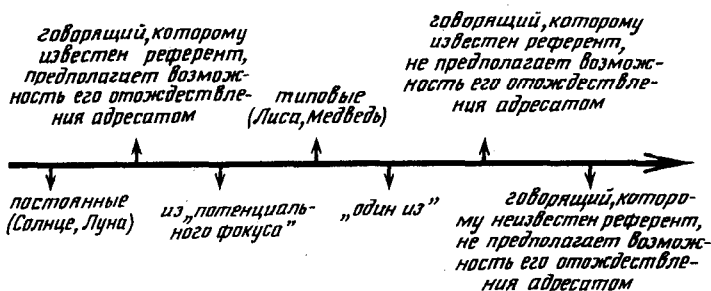

Рис. 2. Шкала отождествимости вводимых референтов нарративного дискурса³

В настоящей работе задается следующая иерархия действующих лиц некоторого нарративного текста (более подробно обоснованность подобного выделения изложена в работе [Федорова 1994]): главный герой, герой, второстепенный персонаж, эпизодный персонаж, неперсонаж. Не вдаваясь в излишние для данной работы подробности, отметим лишь, что главный герой – это персонаж, активно действующий на протяжении всего повествования с самого начала, о нем сообщаются факты биографического характера, номинация его встречается более чем в 30% всех предложений; герой – это персонаж, который активно действует на протяжении всего повествования или большей его части, о нем сообщаются факты авантюрно-осложняющего характера, номинация его встречается более чем в 20% всех предложений; второстепенный персонаж действует в нескольких различных эпизодах, но явно подчинен героям повествования, о нем сообщаются факты авантюрно-осложняющего характера, номинация его встречается менее чем в 15% всех предложений; эпизодный персонаж действует лишь в одном или в нескольких однотипных эпизодах с постоянной функцией, о нем сообщаются факты авантюрно-осложняющего характера, номинация его встречается в 1–15% всех предложений; неперсонажем называется такой референт, который встретился в повествовании один раз.

Само место референта в референциальном пространстве дискурса называется дискурсивным статусом референта. Разные персонажи имеют разную сферу действия в референциальном пространстве дискурса: сфера действия главного героя, героя и второстепенного персонажа не ограничена, их можно назвать постоянными действующими лицами; сфера действия эпизодного персонажа ограничена эпизодом; сфера действия неперсонажа равна нулю.

Рассмотрим теперь связь категории интродуктивности и категории определенности-неопределенности. Подход к описанию категории определенности-неопределенности близок к подходу, предложенному в работе [Крылов 1997], в которой автор на материале русского языка поэтапно описывает преобразования, в результате которых в языке на поверхностном уровне появляются те или иные детерминативы – эксплицитные или имплицитные выразители понятийной категории детерминации.

Для данной работы является важным рассмотрение определенности-неопределенности не как бинарной оппозиции, а как шкалы отождествимости (рис. 2).

Степень отождествимости уменьшается слева направо. Таким образом, те или иные средства используются при введении референта в зависимости от степени его отождествимости, аналогично тому, как те или иные средства поддержания референции зависят от степени активации референта.

В артиклевых языках референты, обозначенные на шкале, актуализуются обычно при помощи различных комбинаций определенного или неопределенного артиклей.

³ Термин «потенциальный фокус» используется нами вслед за Б. Грош [Grosz, Sidner 1986] для обозначения вводимых референтов, находящихся в отношении «часть-целое» с введенными ранее референтами.

В безартиклёвых языках, где нет обязательности, свойственной показателю грамматической категории, распределение подобных актуализаторов особенно интересно. В табл. 1 обозначены четыре потенциально возможные стратегии распределения маркеров первого и повторного упоминания референта в референциальном пространстве нарративного дискурса, +/– справа обозначает степень обязательности/факультативности употребления данного маркера. Например, обязательность при повторном упоминании зависит от степени активации референта.

Таблица 1

Стратегии распределения маркеров первого и повторного упоминаний референтов в безартиклёвых языках

	Упоминание	
	первое	повторное
1	+/–	+/–
2	+/–	–
3	–	+/–
4	–	–

Во многих работах, описывающих категорию определенности-неопределенности в безартиклёвых языках, отмечается преобладание той или иной стратегии. Так, например, в работе А.И. Коваль, посвященной описанию именных категорий в пулар-фульфульде, находим: "В оппозиции, формирующей категорию определенности, маркированному определенному члену противопоставлен немаркированный нулевой противочлен" [Коваль 1997: 119]. Далее в этой работе отмечается, что при первом упоминании референта в дискурсе используется форма с нулевым актуализатором, при повторном упоминании регулярно используется актуализатор, который автор называет определенным артиклем. Однако, в подобных случаях правильнее говорить о той или иной стратегии не для целого языка, а для референта, занимающего определенное место на шкале отождествимости. Это косвенно отмечается и в рассматриваемой работе: "говорящий может перестать употреблять артикль, если считает, что кореферентность уже надежно установлена в предтексте. И, напротив, в некоторых случаях артикль возможен при первоупоминании имени, если говорящий уверен, что данное имя уже активизировано в сознании реципиента текста" [Коваль 1997 : 120].

Настоящая статья посвящена описанию функционирования в качестве актуализатора при первом упоминании числительного со значением 'один' и его аналогов в различных безартиклёвых языках. Этот актуализатор выбран по многим причинам. Во-первых, считается общепризнанным происхождение из него неопределенного артикля. Этому, в частности, посвящена специальная работа Т. Гивона [Givón 1981], где прослеживается путь, который проходит эта лексема от чистого количественного значения через специфическую, затем неспецифическую референцию к обозначению генерических имен. Во-вторых, использование именно этого актуализатора считается наиболее прототипическим способом введения новых референтов.

2. НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ МЕСТОИМЕНИЕ *ОДИН* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Неопределенное местоимение *один* в отечественной и зарубежной традиции

Лексема *один* в русском языке является многозначной; для того, чтобы реально представить все многообразие ее возможных значений, рассмотрим кратко типы употребления словосочетаний с лексемой *один*, которые можно найти в существующих словарях. Например, среди выделяемых в четырехтомном словаре русского языка [СРЯ 1986] значений отметим такие: 1) в значении количественного числительного: *Семеро*

одного не ждут; 2) 'в отдельности от других': *Выхожу один я на дорогу*; 3) 'единственный': *Я знал одной лишь думы власть*; 4) 'тот же самый': *в одно и то же время*; 5) 'единый, целостный': *Людская речь в один язык сольется*; 6) 'какой-то, некий'⁴. Именно это последнее значение лексемы *один* и будет в центре нашего внимания.

Неопределенное местоимение *один* в русском языке считается достаточно хорошо изученным. Его описанию было посвящено даже несколько специальных работ (см., например, [Николаева 1979; Мишина 1960; Birkenmaier 1976]). Во всех работах авторы приходят к выводу о том, что основная функция местоимения *один* – интродуктивная; "*один* выполняет функцию интродукции, предваряя обычно довольно длинный по протяженности текст" [Николаева 1983: 348]; "*один* маркирует введение лиц, предметов и явлений в фонд знаний адресата" [Арутюнова, Ширяев 1983: 57]. Отмечается также, что детерминатив *один* не употребляется, когда речь идет о единичном объекте [Арутюнова, Ширяев 1983: 57] и что он не употребляется с именем собственным [Николаева 1983: 349]. Е.В. Падучева отмечает, что "выступая вне отношения конкретизации, *один* в тематической позиции частично утрачивает семантику слабой определенности, превращаясь в неопределенный артикль" [Падучева 1985: 213]. В.Г. Так подчеркивает, что "предмет остается неопределенным для слушающего" [Так 1988: 34]. Наконец, фраза *Меня укусила одна собака* в работе Е.В. Падучевой считается неудачной "скорее всего потому, что не годится в качестве интродукции собаки" [Падучева 1985: 213].

Посмотрим теперь, как описывает неопределенные местоимения русского языка (в том числе и неопределенное местоимение *один*) М. Хаспельмат [Haspelmath 1997].

Таблица 2

(Не)определенность, (не)специфичность и (не)известность говорящему

неопределенность		определенность
неспецифичность	специфичность	
неизвестность говорящему	известность говорящему	(известность говорящему и слушающему)

Описывая выбор того или иного неопределенного местоимения русского языка в зависимости от (не)определенности, (не)специфичности и (не)известности говорящему (табл. 2), М. Хаспельмат строит следующие импликации:

Если ИГ не специфична, вопрос о (не)известности референта этой ИГ говорящему не встает; в подобном случае выбирается местоимение из *нибудь*-серии:

- (3) *Иван хочет спать какой-нибудь романс.* (Пример из [Падучева 1985: 211] цитируется по [Haspelmath 1997: 39].)

Если именная группа специфична, но референт этой ИГ не может быть идентифицирован говорящим, то употребляется местоимение *-то*-серии:

- (4) *Маша встретила с кем-то около университета.* (Пример из [Haspelmath 1997: 46])

Если говорящий может идентифицировать референта ИГ, но по каким-то причинам хочет скрыть эту информацию от слушающего, он выбирает местоимение *кое*-серии или детерминатив *один*:

- (5) (а) *Я встретила с одним человеком сегодня в 19 часов.*
(б) *Маша встретила кое с кем около университета.* (Примеры из [Haspelmath 1997: 46] с сохранением не совсем обычного порядка слов)

⁴ Для сравнения см. также работы Т.М. Николаевой [Николаева 1979; 1983], посвященные классификации значений лексемы *один*.

Следует особо отметить, что в данной работе автор не относит лексему *один* к неопределенным местоимениям, называя ее детерминативом.

Тем не менее, далеко не все можно объяснить, ограничиваясь подобными положениями. Рассмотрим примеры.

- (6) *Петр Степанович рассказал нам одну древнюю петербургскую историю из жизни одного причудника, – восторженно подхватила Варвара Петровна, – одного капризного и сумасшедшего человека, но всегда высокого в своих чувствах, всегда рыцарски благородного...* (Ф.М. Достоевский. Бесы).
- (7) *Шатов был прежде студентом и был исключен после одной студентской истории из университета; в детстве же был учеником Степана Трофимовича, а родился крепостным Варвары Петровны, от покойного камердинера ее Павла Федорова, и был ею благодетельствован.* (Ф.М. Достоевский. Бесы).

В примере (6) словосочетание *одна история* вводит в рассмотрение некоторый фрагмент дискурса, в то время как в примере (7) для читателя очевидно, что о данном эпизоде больше ничего рассказано не будет. В чем же искать причину подобных различий?

Рассмотрим еще один пример:

- (8) *Здесь иные считают меня даже вашим соперником у Лизаветы Николаевны, как же мне о наружности не заботиться? – засмеялся он. – Это кто же, однако, вам доносит? Гм. Ровно восемь часов; ну, я в путь; я к Варваре Петровне обещал зайти, но спасую, а вы ложитесь и завтра будете бодрее. На дворе дождь и темень, у меня, впрочем, извозчик, потому что на улицах здесь по ночам беспокойно... Ах, как кстати: здесь в городе и около бродит теперь один Федька Каторжный, беглый из Сибири, представьте, мой бывший дворовый человек, которого папаша лет пятнадцать тому в солдаты утек и деньги взял. Очень замечательная личность. – Вы... с ним говорили? – вскинул глазами Николай Всеволодович.* (Ф.М. Достоевский. Бесы).

Почему в этом примере можно употребить актуализатор *один* с именем собственным, хотя по всем канонам это запрещено?

Цель данного исследования состоит в том, чтобы, опираясь на выводы и результаты предшествующих исследований, попытаться на основе функционального анализа семантики неопределенного местоимения *один* установить базовые значения этой лексемы и по возможности выделить их вариант. Представляется целесообразным предложить такое описание, которое опирается на когнитивно-коммуникативные характеристики говорящего, в том числе и на коммуникативную цель говорящего на данном отрезке дискурса. ИГ с неопределенным местоимением *один* будут рассматриваться с точки зрения тех ожиданий, которые, по мнению говорящего, должны сложиться у адресата относительно продолжения повествования на заданную предыдущим высказыванием тему. Мы постараемся восстановить тот путь, который необходимо пройти адресату в поисках правильной интерпретации целей говорящего.

2.2. Анализ высказываний с неопределенным местоимением *один*

В контексте предложения именная группа (далее ИГ) превращается при помощи актуализатора *один* в актуализованную ИГ (далее АИГ). Согласно работе [Падучева 1985], именно в этот момент ИГ приобретает тот или иной денотативный статус и этот денотативный статус определяется в первую очередь семантикой самого актуализатора. Для конкретно-референтных ИГ, которые находятся в центре нашего

исследования, выбор денотативного статуса происходит по следующим двум основаниям:

а) $\pm$ определенность – сильная, т.е. определенность объекта одновременно для говорящего и для слушающего; сокращенно $\pm$ Опр;

б) $\pm$ слабая определенность (только для ИГ с признаком – Опр), т.е. определенность объекта для говорящего, но не для слушающего; сокращенно $\pm$ Сл. Опр;

В результате получается три референтных статуса – определенный, слабоопределенный и неопределенный, которые описываются следующими наборами признаков: [+ Опр] (*Ту книгу, которую ты мне дал, я уже прочел*), [– Опр, + Сл. Опр] (*Он хочет жениться на одной иностранке*), [–Опр, –Сл. Опр] (*Он хочет жениться на какой-то иностранке*). При отсутствии специальных маркеров признаков $\pm$ Сл. Опр нейтрализуется, выделяя отдельный четвертый статус – собственно-неопределенная ИГ (аналог неопределенного артикля в западно-европейских языках) (*Иван подрался с милиционером*).

Однако можем ли мы на основании наличия в некотором высказывании неопределенного местоимения-актуализатора *один* однозначно определить денотативный статус АИГ как слабоопределенность? Всегда ли мы можем с уверенностью сказать, что вводимый объект известен говорящему и неизвестен адресату? В данном разделе мы постараемся дать ответ на этот вопрос.

Остановимся прежде всего на тех факторах, которые влияют на оценку релевантности вводимого объекта:

1. Логико-грамматический тип предложения. Данный термин взят из работы [Арутюнова, Ширяев 1983], в которой выделяется три вида логических отношений, которым соответствуют три логико-грамматических типа предложений: бытийные (или экзистенциальные) предложения, предложения тождества (или идентификации) и предложения характеристики; предложения последнего типа в зависимости от значения предиката делятся на собственно характеризующие, таксономические, реляционные, темпоральные, локальные и некоторые другие. Данные предложения различаются как по логической и грамматической структурам, так и по своей коммуникативной цели. Бытийные предложения и предложения характеристики с предикатом введения в рассмотрение являются прототипическими для введения в нарративный дискурс нового референта.

2. Фиксированный прототипический порядок слов: привязка – глагол – ИГ с актуализатором *один*. ИГ стоит в конце предложения, является неопределенной, входит в рему.

3. Прототипичность имени описываемого референта как центрального (обязательного) аргумента предиката данного предложения.

4. Прототипичность ИГ как в качестве подлежащего, так и дополнения (прямого или косвенного).

5. Риторическая структура. Прототипическая цель: открыть новый аргумент текста; прототипический риторический предикат: интродукция.

6. Прототипическая интонация: специфическая интонация незавершенности, характеризующаяся небольшим повышением тона к концу высказывания.

Как видно, факторы, влияющие на оценку релевантности вводимого объекта в референциальном пространстве дискурса, разнообразны и число их велико. Ключевым для данной работы является тезис о том, что на уровне анализа одного отдельно взятого высказывания с актуализатором *один* не всегда удастся однозначно установить дискурсивный статус референта. Более того, в зависимости от факторов релевантности возможны две различные ситуации: а) все условия удовлетворяют прототипическим и б) не все условия удовлетворяют прототипическим.

а) Если все условия удовлетворяют прототипическим, то АИГ находится в сильной интродуктивной позиции (далее СиИП), например:

- (9) *Жил много лет назад в небольшом, но богатом городе один купец, торговавший коврами, слоновой костью, пряностями и розовым маслом. Был он человек умный, учтивый, набожный и честный, вел дела свои в примерном порядке и тем заслужил всеобщее доверие и уважение.* (А.И. Куприн. Кисмет).

б) Если же хоть какое-то прототипическое условие не выполняется, то ИГ попадает в слабую интродуктивную позицию (далее СЛИП), отличительным признаком которой является то, что без дополнительного контекста нельзя точно определить дискурсивный статус референта и статус самого актуализатора. Тут необходим более широкий контекст, в котором АИГ в СЛИП превращается или в контекстно-зависимую актуализованную именную группу первого типа, отличительным признаком которой является слабоинтродуктивный статус актуализатора (слабый интродуктив), а референт, введенный подобным образом, обладает ограниченной сферой действия в референциальном пространстве дискурса, или в контекстно-зависимую актуализованную именную группу второго типа, особенностью которой является нерелевантность референта в референциальном пространстве дискурса и антиинтродуктивное значение актуализатора (антиинтродуктив).

В подобных случаях сфера действия референта в референциальном пространстве дискурса не ограничена, а актуализатор *один* несет интродуктивное значение (= является интродуктивом). Здесь термин "интродуктивный" используется в своем третьем значении: для обозначения релевантных (важных) референтов данного нарративного дискурса.

Теперь рассмотрим несколько примеров.

- (10) *Я ушел. Одна невероятная мысль все более и более укреплялась в моем воображении. С тоской думал я о завтрашнем дне...* (Ф.М. Достоевский. Бесы).

Неодушевленные имена имеют особый интродуктивный статус, если у них присутствует семантический актант 'содержание': они интродуктивно сильные. Поэтому они допускают изменение порядка слов без потери базового значения, что недопустимо для других типов объектов. Однако происходит некоторая модификация смысла, что влечет за собой необязательность продолжения в следующей же фразе. Но из вышесказанного не следует, что имя с семантическим актантом 'содержание' всегда находится в СИИП. Например, в приведенном выше примере (7) ИГ *одна студентская история* находится в СЛИП.

- (11) *У самого генерал-лейтенанта было всего только полтора ста душ и жалованье, кроме того знатность и связи; а все богатство и Скворешники принадлежали Варваре Петровне, единственной дочери одного очень богатого откупщика.* (Ф.М. Достоевский. Бесы).

В примере (11) объект не входит в семантическую актантную структуру предиката, являясь сирконстантом. АИГ находится в данном примере в СЛИП: данный объект может быть или "забыт", или к нему можно вернуться при помощи указательного местоимения *этот* (если объект находится в СИИП, то рассказ о нем может быть предложен при помощи местоимения *он*, см. пример (9)).

- (12) *Жена одного служащего, довольно молодая и очень интересная дама, выходец из мелкобуржуазной семьи, влюбилась в одного актера. Он был артист драмы и комедии.* (М.М. Зощенко. Забавное приключение).

В примере (12) в первом случае ИГ стоит в СЛИП и, не получив подкрепления в следующей фразе, ИГ приобретает антиинтродуктивный статус; во втором случае ИГ стоит в СИИП.

Анализируя пример (13), можно заметить, что в нем используется прием "завлекающей интродукции": обязательное продолжение рассказа на выбранную тему откладывается на неопределенное время. Обычно этот прием используется в конце некоторого структурного фрагмента текста (главы, части и под.). Данное явление прояв-

ляется здесь особенно ярко, так как в предложении сохранен прототипический порядок слов, который требует немедленного продолжения.

(13) *Разумеется, наавтра он согласился; да и не мог не согласиться. Тут было одно особое обстоятельство...* (Ф.М. Достоевский. Бесы).

Интродуктив отличается от классического неопределенного артикля западно-европейских языков тем, что употребляется для обозначения только конкретно-референтных объектов, тогда как неопределенный артикль используется для обозначения и неспецифических референтов, и генерических имен. То, как неестественен русский интродуктив *один* в позиции неопределенного артикля, можно увидеть в стилистически окрашенном примере (14).

(14) *Наверно, вы думаете, господа, что я вас смешишь хочу? Ошиблись и в этом. Я вовсе не такой развеселый человек, как вам кажется или как вам, может быть, кажется; впрочем, если вы, раздраженные всей этой болтовней (а я уже чувствую, что вы раздражены), вздумаете спросить меня: кто ж я таков именно? – то я вам отвечу: я один коллежский ассessor. Я служил, чтоб было что-нибудь есть (но единственно для этого)...* (Ф.М. Достоевский. Записки из подполья).

В этом примере возникает оттенок пренебрежительности, уничижительности; этот оттенок часто возникает при антиинтродуктивном базовом значении.

2.3. Основные выводы

Рассмотрим таблицу 3. Неопределенное местоимение *один*, выступая в качестве актуализатора некоторой конкретно-референтной ИГ, имеет общий инвариант всех своих употреблений, и н д и в и д у а л и з а ц и я = выделение объекта из класса ему подобных (экстенционала общего имени). Неопределенное местоимение-актуализатор *один* имеет два базовых значения. Первое из них, прототипическое, – интродуктивное. Оно имеет свой дополнительный инвариант – р е л е в а н т н о с т ь выделенного референта в данном дискурсе. Второе базовое значение – антиинтродуктивное. Инвариантом подобных употреблений является н е р е л е в а н т н о с т ь (неважность, неуместность, нежелательность, необязательность или ненужность) выделенного референта в данном дискурсе.

Таблица 3

Признаки ИГ с актуализатором *один* в русском языке

№		Сущ	Инд	Релев	Изв	Отожд
1	<i>один 1</i>	+	+	–		
2	<i>один 2</i>	+	+	+	+	–

Сущ – презумпция существования объекта, обладающего некоторыми свойствами

Инд – индивидуализация, выделение объекта из класса ему подобных

Релев – релевантность выделения объекта в референциальном пространстве дискурса

Изв – известность референта ИГ говорящему

Отожд – возможность отождествления адресатом референта ИГ по мнению говорящего

Пустые места свидетельствуют о нерелевантности данного признака.

Особый интерес для нас представляют те выводы, которые можно сделать на основе предложенного подхода в типологическом аспекте. Итак, посмотрим теперь на проблему ИГ с актуализатором *один* в русском языке с другой, типологической точки зрения.

Во-первых, из вышесказанного следует, что неопределенное местоимение *один* в русском языке многофункционально: оно используется не только в интродуктивном

контексте, но и в другом, во многом противоположенном первому, который мы назвали антиинтродуктивным контекстом. В этом последнем референт, введенный с актуализатором *один*, имеет некоторый дополнительный оттенок неважности, пренебрежительности и т.п.

Во-вторых, важно, что в русском языке существует множество разноуровневых факторов, предопределяющих релевантность (важность) вводимого референта в референциальном пространстве дискурса: это и тип предложения, и актантная структура, и тип риторического предиката. Оказывается, что для того, чтобы прототипически построить интродуктивное высказывание, надо выполнить много необходимых языковых формальностей, причем, что интересно, использование актуализатора *один* само по себе еще ни о чем не говорит.

В-третьих, встает вопрос об обязательности/факультативности употребления актуализатора *один* в русском языке. В русском нарративном дискурсе интродуктив *один* в сильной интродуктивной позиции в большинстве случаев факультативен: интродуктивный потенциал высказывания достаточен и без использования данного актуализатора. Однако часто при опущении интродуктива *один* возникает некоторая стилистическая окрашенность, ср. пример (9) без актуализатора *один*:

- (9a) *Жил много лет назад в небольшом, но богатом городе купец, торговавший коврами, слоновой костью, пряностями и розовым маслом. Был он человек умный, учтивый, набожный и честный, вел дела свои в примерном порядке и тем заслужил всеобщее доверие и уважение.*

В слабой же интродуктивной позиции (в начальной позиции или в позиции подлежащего) данный интродуктивный показатель обязателен, например:

- (15) *Недавно один уважаемый товарищ, Кульков Федор Алексеевич, изобрел способ против бюрократизма. Вот государственная башка-то!... Кульков, видите ли, в одну многоуважаемую канцелярию ходил очень часто. По одному своему делу. (М.М. Зощенко. Волокита).*
- (16) *Судьба одного наполеоновского маршала – не будем называть его имени, дабы не раздражать историков и педантов, – заслуживает того, чтобы рассказать ее вам, сетующим на скудность человеческих чувств. Маршал этот был еще молод. (К.Г. Паустовский. Ручьи, где плещется форель).*

В приведенных примерах (15) и (16) опущение интродуктива *один* невозможно.

В-четвертых, вернувшись к рис. 1, отметим, что лексема *один* обслуживает и привязки, и нарративные имена, и собственно референтов любой степени важности, как релевантных, так и нерелевантных.

Возвращаясь вновь к общетипологическим вопросам, следует заметить, что не следует спешить механически переносить данные настоящего исследования на материале русского языка на другие, пусть даже близкородственные, языки. Отдельного исследования заслуживают и болгарское *един*, и польское, чешское и словацкое *jeden*.

3. ИНТРОДУКТИВНАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ ИМЕНИ В ДРУГИХ БЕЗАРТИКЛЕВЫХ ЯЗЫКАХ

3.1. Введение

Как показал опыт описания употребления неопределенного местоимения *один* в русском языке, для того, чтобы изучить функционирование подобного элемента в некотором языке, необходимо целое отдельное исследование. Поэтому сейчас наметим лишь основные направления развития этого исследования в типологическом аспекте.

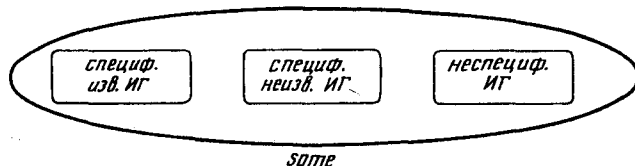
Для того, чтобы попытаться ответить на вопросы, поставленные во введении к

статье, и подтвердить или опровергнуть гипотезу об универсальности использования числительного со значением 'один' в интродуктивной функции, рассмотрим примеры оформления интродуктивных предложений в различных языках. Но прежде несколько слов надо сказать о размере, репрезентативности и "надежности" представляемой выборки языков. Р а з м е р выборки (18 языков), несомненно, недостаточен для того, чтобы предложенное на ее основе описание претендовало на универсальность, однако дает возможность сделать некоторые предварительные выводы. Говоря о р е п р е з е н т а т и в н о с т и выборки (2 языка Дагестана, 2 тайских, 2 иранских, 2 тюркских, 2 африканских, абхазо-адыгский, аустроазиатский, кадайский, семитский, самодийский, финно-угорский и полинезийский), стоит отметить, что представленные языки покрывают многие крупные ареалы языков мира, не претендуя опять-таки на полное покрытие. "Н а д е ж н о с т ь" (вернее, грамматическая и семантическая корректность) примеров проверялась лишь с носителями дагестанских и тайских языков, все остальные примеры взяты из грамматик, описаний и сборников текстов соответствующих языков.

При подборе языков принимался во внимание еще один фактор: использовались сведения о наличии в некотором языке явлений, которые, на наш взгляд, так или иначе коррелируют с изучаемым в настоящей работе феноменом. Так, в работе [Givón 1981] описаны языки, в которых существует оппозиция *one vs. zero* при противопоставлении специфической и неспецифической неопределенности в ИГ: турецкий, непальский, разговорный иврит, все креольские, староанглийский, старонемецкий, староиспанский, старофранцузский и китайский языки. Подобные списки (только для языков, имеющих данное противопоставление при выборе разных серий неопределенных местоимений типа русских серий на *-то* и *-нибудь*) представлены и в работе М. Хаспельмата [Haspelmath 1997]: во-первых, это языки, различающие специфическую и неспецифическую неопределенность: русский, литовский, новогреческий, латинский, грузинский и каннада; во-вторых, это языки, различающие специфическую неопределенность в зависимости от известности или неизвестности говорящему референта данной ИГ: русский, литовский, каннада, латинский и др.

Другими словами, три возможные значения – специфическая известная говорящему неопределенность (специф. изв. ИГ), специфическая неизвестная говорящему неопределенность (специф. неизв. ИГ) и неспецифическая неопределенность (неспециф. ИГ) могут быть распределены в естественном языке (согласно М. Хаспельмату) следующими четырьмя способами⁵:

1. Английский

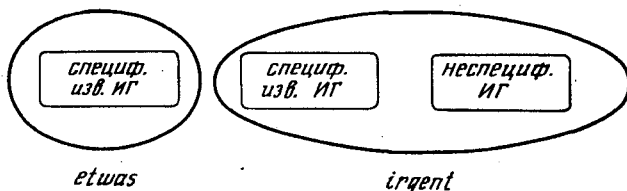

2. Нанайский

⁵ Более подробно о данной технике имплекативного картирования, т.е. о создании имплекативных карт соответствия между значениями некоторого множества признаков и множеством некоторых языковых средств для кодирования данных признаков, см. [Haspelmath 1997: 58].

3. Немецкий

4. Русский

Таким образом, при подборе языков предпочтение отдавалось тем из них, в которых максимально различались коррелирующие характеристики.

Исходным пунктом для исследования неопределенного местоимения или числительного со значением 'один' в некотором языке могут служить и высказывания, подобные следующему: "оппозиция определенности/неопределенности в четко выраженном виде эстонскому языку не свойственна, однако в просторечии неопределенное местоимение *üks* 'некий' (из числительного *üks* 'один') имеет функцию неопределенного артикля: *üks mees* 'некий мужчина'" [Елисеев 1993: 121].

Итак, в выборку языков, представленных в данной работе, вошли, помимо русско-го, следующие: цахурский, арчинский, шанский, чжуанский, мыонг, лаха, абазинский, талышский, ягнобский, ногойский, каракалпакский, селькупский, удмурдский, иврит, аква, сосо и таитянский. Рассмотрим их по порядку.

3.2. Анализ интродуктивных предложений различных безартиклевых языков

3.2.1. Языки дагестанской группы: цахурский и арчинский. В обоих рассматриваемых дагестанских языках числительное со значением 'один' используется и при обозначении неопределенных привязок (пример (17)), и при введении нарративных имен (пример (18)), и при введении собственно референтов (см. рис. 1).

- (17) Ц а х у р с к и й
sajaqe: *uxana* *sa* *q'lasda* *adami*
 однажды был один старый человек
 "Жил-был один старик".
- (18) Ц а х у р с к и й
amma *sa* *kar* *zas* *k'elodyn:* *manGOe:* *Xink'alby*
 но один вещь я помнить он хинкал
- otxananGla,* *manGun* *biRa:r* *il3ojk'al4i:xe*
 есть он усы прыгать

"Но одну вещь я помню: когда он ел хинкал, у него усы двигались".

Рассмотрим схему начала некоторого арчинского текста.

- (19) А р ч и н с к и й
 1. *Жила os* девушка
 2. *jamur* девушку все любили

3. *tor* девушка любила *os* парня
4. *jatu* парень ее тоже любил
5. Так как *jatur* девушка была хорошая, на ней хотел жениться *os* сын из богатой семьи
6. Но *jatu* самый сын был плохой
7. У *jatu* парня был отец. [Кибрик 1977: 334]⁶.

При первом упоминании о девушке (19.1), парне (19.3) и сыне из богатой семьи (19.5) стоит числительное *os*, которое А.Е. Кибрик называет неопределенным артиклем. Определенные артикли *jatu* (или *jatur*) и *tor* используются во всех последующих упоминаниях. Неопределенный артикль отсутствует лишь при упоминании об отце. А.Е. Кибрик объясняет это извлечением данного персонажа из потенциального фокуса внимания ("если указан сын, то и его отец не может быть вполне неопределенным").

В дагестанских языках числительное "один" используется лишь для обозначения релевантных референтов, а нерелевантные, по сравнению с аналогичными русскими примерами, вводятся с нулевым актуализатором.

3.2.2. Языки тайской группы: чжуанский и шанский. В данной работе рассматривается собственно тайская группа, в которую входят лаосский, шанский, тайский, чжуанский и некоторые другие языки. Тайская группа принадлежит к китайско-тибетской семье языков, другая теория объединяет ее с австронезийскими. Все языки тайской группы относятся к изолирующим языкам, порядок слов фиксирован – SVO, определяемое предшествует определению. Для обозначения числительного "один" в каждом языке используется несколько слов. Так, например, в чжуанском языке лексема *etl* (цифра после лексемы обозначает тон) восходит к древнекитайскому, используется для образования сложных числительных; *ning3* употребляется в основном при абстрактном счете; *dewl* употребляется параллельно *ning3* и имеет дополнительное значение 'один-единственный'. Кроме того, *dewl* употребляется постпозитивно, как прилагательное, в отличие от всех остальных числительных, которые употребляются в препозиции. В качестве показателя специфической неопределенной референции имени используется числительное *dewl* (20):

(20)	Ч жу а н с к и й					
	<i>sey2</i>	<i>kon5</i>	<i>mi2</i>	<i>pow4</i>	<i>dewl</i>	<i>hew6 ku6 law4 lin2</i>
	прежде	был	человек	один	по имени	Лаулиэн

"В прежние времена был один человек по имени Лаулиэн". [Москалев 1971: 293].

В тайских языках числительное со значением 'один' употребляется при введении неопределенной привязки, однако не обнаружено примеров с использованием актуализатора "один" для обозначения нарративных имен, подобные конструкции оформляются нулевым актуализатором и обязательным определением.

Из анализа шанских текстов (тексты из хрестоматии Линды Янг проанализированы с носителями языка) следует, что, когда вводятся собственно референты, показатель интродуктивной референции *ning3* обязателен при введении основных действующих лиц, а при первом упоминании второстепенных персонажей это числительное не используется (21):

(21)	Ш а н с к и й	
	Во время правления лорда У-Хэна, в королевстве Мао, жил <i>ning3</i> <i>вор</i> по имени "что-плохо-лежит"... <i>ning3</i> ночью он стащил драгоценности из дома {Ø} самого богатого в городе человека. ⁷ [Young 1985].	

⁶ Здесь и далее в квадратных скобках после примеров указывается источник, из которого были заимствованы данные примеры.

⁷ В этой части статьи для удобства чтения в качестве примеров будут использоваться как отдельные предложения на рассматриваемом языке с подстрочным переводом, так и более развернутые фрагменты текста, представленные в виде схем с оформлением на языке оригинала лишь непосредственно связанных с рассматриваемой проблемой лексем.

Таким образом, шанское числительное *ning3* грамматикализировано в интродуктивной функции и зависит от важности вводимого персонажа.

3.2.3. Аустроазиатские языки: язык мыонг. Язык мыонг относится к вьетмыонгской группе аустроазиатских языков, на нем говорят около 680 тысяч человек северного Вьетнама.

В рассматриваемом языке интродуктивный показатель *тос5* (цифра после лексемы обозначает тон), совпадающий с числительным со значением 'один', используется при введении неопределенных привязок, нарративных имен (22) и референтов любой степени важности (23):

- (22) М ы о н г
Я расскажу *тос5* старинную мыонгскую историю об охоте. [ЯМ 1987: 487].
- (23) М ы о н г
Когда в *тос5* лесу или на *тос5* холме *тос5* человек убивает животное, то он приносит его в деревню, где два-три человека вместе едят добычу. [ЯМ 1987: 497].

Однако показатель *тос5* отличается от своих аналогов в других языках тем, что регулярно используется для обозначения неспецифических референтов и генерических имен, что приближает его к классическому неопределенному артиклю западно-европейских языков:

- (24) М ы о н г
Я думаю, что ты – *тос5* трусливый человек и целыми днями сидишь дома. Ты ничего не понимаешь в жизни! [ЯМ 1987: 507].

Показатель *тос5* действительно вполне мог бы претендовать на право называться неопределенным артиклем, если бы не очень высокая степень факультативности его употребления в тексте; интересно отметить, как сильно отличается он от своего аналога в тайских языках, распространенных в соседних странах.

3.2.4. Кадайские языки: язык лаха. Кадайские языки занимают промежуточное место между тайскими и австронезийскими языками, распространены они главным образом на севере Вьетнама и на юге Китая. На языке лаха говорят всего около 2 тысяч человек на севере Вьетнама.

В языке лаха для нужд интродукции используется показатель *сам6* (цифра после лексемы обозначает тон), совпадающий по форме с числительным со значением 'один'. В данном языке интродуктивный показатель употребляется для обозначения неопределенных привязок и важных референтов:

- (25) Л а х а
В прежние времена среди лаха жила *сам6* девушка. [ЯЛ 1986: 376].

Распределение данного показателя, таким образом, совпадает с распределением тайских интродуктивных показателей, однако и здесь не обошлось без существенных различий: интродуктивный показатель в лаха имеет высокую степень факультативности, что сближает его с языком мыонг.

Рассмотренные тайские, мыонгские и лахские интродуктивные показатели можно представить в виде таблицы (см. табл. 4), из которой следует, что каждый из языков данного региона Юго-Восточной Азии имеет свои интродуктивные особенности.

Таблица 4

Распределение интродуктивных показателей

Язык	Лексема	Любые референты	Обязательность
шанский	<i>ning3</i>	–	+
мыонг	<i>тос5</i>	+	–
лаха	<i>сам6</i>	–	–

3.2.5. Языки абхазо-адыгской группы: абазинский. В абазинском языке существует особая определенная форма имени, которая оформляется префиксальным показателем *a-*; кроме этого, выделяется суффиксальный показатель единичности *kl*. В разных описаниях значение этой морфемы трактуется по-разному: "это указывает на то, что речь идет о каком-то одном определенном предмете" [РАС 1956: 611] или "данный показатель является показателем неопределенности и единичности" [АРС 1967: 485]. Отмечается, что "в одном слове сочетание префиксального показателя определенности и суффиксального показателя единичности не допускается" [РАС 1956: 611]. Вместе с тем числительное со значением 'один' – *zak/ы* – ("один" для одушевленных объектов) и *zadjwy* – ("один" для неодушевленных объектов) в качестве интродуктивного показателя не используется.

Показатель *kl* используется при введении неопределенной привязки и референтов любой степени важности (данный показатель, по-видимому, присоединяется к последнему элементу именной группы).

- (26) А б а з и н с к и й
Богач-kl ухаживал за дочерью бедняков-*kl*. [Сердюченко 1949: 76]
- (27) А б а з и н с к и й
Жил был медведь-kl. Однажды этот *a*-медведь заболел. Все звери, находившиеся в *a*-лесу, приходили проведать больного *a*-медведя. Лишь *a*-лиса ни разу не зашла. [Сердюченко 1949: 72]
- (28) А б а з и н с к и й
Трое мужчин пасли быка-kl. Как-то раз они пригнали своего быка к реке. *a*-Быка, пьющего воду, вдруг схватила рыба-*kl* и втянула в воду. *a*-Бык захлебнулся и потом был выплеснут на берег реки-*kl*. Пролетавший мимо орел-*kl* оторвал от туши быка *a*-лопатку-*kl* и поднялся с нею вверх, сел на *a*-рог *a*-козла-*kl* и стал пожирать добычу. [Сердюченко 1949: 74]

Особенно интересна здесь возможность сочетания показателя *kl* с показателем определенной формы имени.

3.2.6. Языки иранской группы: талышский и ягнобский. В обоих языках числительное со значением 'один' – это лексема *i*. В ягнобском языке эта лексема и обслуживает категорию интродуктивности:

- (29) Я г н о б с к и й
У i старика и *i* старухи была *i* дочь. [Андреев, Пещерева, 1957: 110]

В ягнобском языке подобным образом оформляются и привязки, и нарративные имена, и референты любой степени важности:

- (30) Я г н о б с к и й
i время жили-были *i* лиса и *i* перепелка. {Ø} перепелка говорит {Ø} лисе: "давай дружить". [Андреев, Пещерева 1957: 177]

Иногда этот показатель выполняет в ягнобском языке даже функцию поддержания референции:

- (31) Я г н о б с к и й
Жил-был i царь, был у него *i* слуга. {Ø} царь сказал: "приведите ко мне *i* дурака". Вышли, посмотрели – *i* дурак забрался на дерево, рубит *i* дурак {Ø} ветку под своими ногами. [Андреев, Пещерева 1957: 123]

В талышском языке ситуация иная: для интродуктивных целей здесь используется нумеративное (счетное) слово для перечисления предметов *glai* (при этом в качестве нумеративного слова при перечислении людей используется лексема *kas* 'человек'):

- (32) Т а л ы ш с к и й
Был glai человек, у него была *glai* жена, у его жены был *glai* любовник. Однажды {Ø} жена говорит своему мужу: "купи мне *glai* рыбу". [Миллер 1930: 42]

Данный показатель используется для обозначения лишь неопределенной привязки и релевантных референтов.

3.2.7. Языки тюркской группы: ногайский и каракалпакский. В ногайском языке показатель интродуктивной референции *bir* "один" совпадает с числительным со значением 'один':

- (33) Ногайский
*{Ø} Медведь, {Ø} Лиса и {Ø} Заяц о своей жизни рассказывают. {Ø} Медведь говорит: "Я в **bir** безводном ауле живу и там есть **bir** колодец"... {Ø} Лиса говорит: "У меня есть **bir** дерево"... {Ø} Заяц говорит: "У меня есть **bir** яма. В середине ее есть **bir** кусок золота"...*
[Милых 1949: 272]

В этом языке данный показатель используется для обозначения неопределенной привязки и референтов любой степени важности.

В каракалпакском языке показатель *bir* также используется при введении неопределенных привязок и референтов любой степени важности:

- (34) Каракалпакский
***bir** верблюд, **bir** тигр, **bir** волк и **bir** лиса сговорились быть друзьями и ушли в пустыню. {Ø} Лиса говорит: "{Ø} Тигр, братец..."* [Баскаков 1951: 37]

Однако, кроме того данный показатель употребляется и при введении нарративных имен:

- (35) Каракалпакский
***bir** раз, когда они (два брата) спали в **bir** доме, они увидели **bir** сон...*
[Баскаков 1951: 179]

Между интродуктивными стратегиями нагайского и каракалпакского языков существуют и другие различия. Как можно заключить из анализа текстов, типовые референты (см. шкалу на рис. 2) в нагайском языке обычно вводятся без интродуктивного показателя *bir*, в каракалпакском же, напротив, интродуктивный показатель *bir* в подобных случаях часто присутствует в тексте (35). С другой стороны, в ногайском языке для обозначения объектов из потенциального фокуса внимания (см. сноску 3) показатель *bir* обычно присутствует, в то время как в каракалпакском языке он появляется чрезвычайно редко:

- (36) Каракалпакский
*В прежние времена был **bir** хитрец. У него была {Ø} жена.* [Баскаков 1951: 88]

В подобных предложениях отсутствие интродуктивного показателя при введении референтов из потенциального фокуса не связано с релевантностью вводимых персонажей: они могут быть как важными, так и неважными.

3.2.8. Самодийские языки: селькупский. В селькупском языке (вернее, в его тазовском диалекте) согласно [Кузнецова и др. 1993] интродуктивный показатель *ikkur*, по форме совпадающий с числительным "один", может использоваться для обозначения неопределенной привязки и релевантных референтов:

- (37) Селькупский
*Ича живет со своей бабушкой. Ича услышал: люди сватаются к **ikkur** ненцу. Этот ненец так сказал: "Меня кто рассмешит, мою дочь тому дам."* [Кузнецова и др. 1993: 66]

Однако, в отличие от большинства рассмотренных выше примеров из других языков, данный показатель встречается в текстах селькупского языка сравнительно редко и ни в одном из своих употреблений не является обязательным.

3.2.9. Финно-угорские языки: удмуртский. В удмуртском языке интродуктивный показатель *одик*, совпадающий по форме с числительным, используется для обозначения неопределенных привязок и релевантных референтов:

- (38) У д м у р т с к и й
Раньше ярмарки очень крупные бывали. И вот на такую ярмарку отправился одик раз одик мужик. [Кельмаков 1981: 59]

Употребление интродуктивного показателя *одик* в удмуртском языке аналогично употреблению селькупского *ikkur*: степень факультативности данного показателя очень высока.

3.2.10. Семитские языки: иврит. Данный раздел написан на основе данных Т. Гивона из [Givón 1989]. Интродуктивный постпозитивный показатель *had*, совпадающий по форме с числительным со значением 'один', используется при введении неопределенных привязок и важных референтов, неважные референты вводятся с нулевым актуализатором.

- (39) И в р и т
 а. ...*Потом я пошел в книжный магазин и купил книгу had; затем я побежал домой и прочитал ее: это оказалась действительно замечательная книга.*
 б. ...*Потом я пошел в книжный магазин и купил книгу {Ø}, потом я побежал домой, поужинал и лег спать.* [Givón 1989b: 182]

3.2.11. Языки Африки: аква и сосо. Сначала рассмотрим примеры из языка аква (один из языков банту). Отметим, что числительное 'один' изменяется по числам: *ahogo* – Pl, *ohogo* – Sg.

- (40) А к в а

<i>Avudi</i>	<i>ahogo</i>	<i>balegi</i>	<i>o</i>	<i>mboga</i>	<i>ohogo</i>
Чужезем-	одни	были	в	деревне	одной
цы					

"Однажды чужеземцы пришли в одну деревню". [Аксенова и др. 1997: 103]

Пример (41) взят из абсолютного начала текста.

- (41) А к в а

<i>Elaga</i>	<i>mwana</i>	<i>wo</i>	<i>akendi</i>	<i>etoga</i>
Оно-было	женщина	эта	пошла	рыбачить

 "Однажды женщина отправилась ловить рыбу". [Аксенова и др. 1997: 45]

- (42) А к в а

<i>Kema</i>	<i>ohogo</i>	<i>alaga</i>	<i>n'obia</i>	<i>Ngubu</i>
Обезьяна	одна	была	с-другом	Бегемотом

"Одна обезьяна дружила с бегемотом". [Аксенова и др. 1997: 67]

Из анализа 40 текстов на языке аква, приведенных в сборнике [Аксенова и др. 1997], следует, что в целом числительное *hogo* используется аналогично, например, шанскому *ning³*, т.е. для обозначения неопределенной привязки и релевантных референтов. Однако есть и существенные отличия: если в тайских языках этот актуализатор обязателен в строго определенном месте дискурса, то в языке аква картина иная: почти все референты могут употребляться в данных текстах как типовые (т.е. обладающие определенным набором признаков), в таком случае они не требуют обязательного актуализатора. Если же актуализатор все же появляется (40), то он является маркером какого-то дополнительного выделения, не связанного с релевантностью, может быть, фокусного. Кроме того, пример (41) демонстрирует прием импозиции (термин О. Йокоямы), т.е. введение как известного чего-либо заведомо неизвестного.

Рассмотрим теперь язык сосо (семья манде). Хотя данных для окончательных выводов явно недостаточно, можно заметить, что для интродукции используется не числительное *keren* "один", а другая лексема – *nde*:

Была на Божьем свете *nde* деревня, а около {Ø} деревни – *nde* река, из которой {Ø} человек не мог брать воду, потому что жил там {Ø} крокодил. [Виноградов, Фофана 1997: 266]

3.2.12. Языки восточно-полинезийской группы: таитянский. В таитянском языке существует два ряда числительных: устаревшие и современные. Архаичная форма *hoê* употребляется в составных числительных, а современное *tahi* – при счете. Кроме того, в таитянском языке традиционно выделяют определенный артикль *te*, а неопределенный артикль имеет одну из трех форм: *e*, *te hoê* и *te tahi*. В интродуктивной функции используется только показатель *te hoê*:

(44)

Таитянский

Жил-был *te-hoê* сын богов по имени Хиро. Он был {Ø} человек очень сильный и храбрый. До сих пор показывают *te hê* предметы, которые находились в его пользовании. В Бора-Бора, на *te* маленьком острове Тоонуа, имеется *te hoê* плоский утес... [Аракин 1981: 74]

В таитянском языке данный показатель используется для введения привязок и релевантных референтов.

3.3. Основные выводы

Как следует из приведенного анализа различных языков, интродуктивный показатель в безартиклевых языках не всегда совпадает с числительным со значением 'один'. И 40 проанализированных языков в 5 (кроме 4 перечисленных еще язык малинке, семья манде) данные лексемы не совпадают: в абазинском языке для интродуктивных целей используется суффиксальный показатель единичности *kl*, в талышском языке – счетное слово для перечисления предметов *glai*, в языке сосо – лексема *nde*, в таитянском языке – показатель *te hoê*, состоящий из определенного артикля *te* и устаревшего числительного со значением 'один' *hoê*.

Рассмотрим теперь таблицу 5.

Таблица 5

Использование актуализатора "один" и его аналогов в различных языках

Язык	Привязка	Нар. имена	Референты	
			важные	неважные
русский	+	+	+	+
арчинский	+	+	+	–
шанский	+	–	+	–
мьонг	+	+	+	+
лаха	+	–	+	–
абазинский	+	–	+	+
ягнобский	+	+	+	+
талышский	+	–	+	–
ногайский	+	–	+	+
каракалпакский	+	+	+	+
селькупский	+	–	+	–
удмуртский	+	–	+	–
иврит	+	–	+	–
аква	+	–	+	–
сосо	+	–	+	–
таитянский	+	–	+	–

Как видно из приведенной таблицы, во всех рассматриваемых языках данный показатель используется для обозначения неопределенной привязки; для обозначения нарративных имен – лишь в русском, арчинском, ягнобском, каракалпакском и мыонг, во всех остальных языках данные имена маркируются нулевым показателем; нерелевантные референты обозначаются при помощи показателя интродуктивной референции в русском, абазинском, ягнобском, ногойском, каракалпакском и мыонг языках.

Теперь сделаем некоторые обобщающие выводы. Во-первых, стоит различать категории интродуктивности и определенности и не считать интродуктивную референцию частью неопределенной. Во-вторых, определенность-неопределенность вводимых референтов – это не бинарная оппозиция, а шкала отождествимости. В-третьих, различные языки имеют различную степень обязательности-факультативности употребления показателя интродуктивной референции. Если все рассмотренные выше языки расположить на некоторой шкале обязательности, то на одном полюсе окажутся языки тайской группы, где интродуктивный показатель обязателен при введении релевантных референтов, а на другом – интродуктивные показатели уральских (салюдийских и финно-угорских) языков. В-четвертых, следует различать интродуктивное и артиклеобразное употребления. При первом соответствующий показатель используется в основном лишь для обозначения специфических (в русской традиции – конкретно-референтных) референтов, во втором же случае так же оформляются и неспецифические, и генерические имена. В языках, где преобладает первая тенденция, тоже возможны исключения, как например:

(45) А к в а

<i>Madu</i>	<i>alaga</i>	<i>mwana-mwana</i>	<i>ohogo</i>	<i>wove</i>
Маду	она-была	ребенок-девочка	одна	хорошая

"Маду была хорошей девочкой". [Аксенова и др. 1997: 101]

или разобранный ранее русский пример (14). Однако, даже если считать, что формирование этого интродуктивного значения и является первым шагом на пути формирования артикля как формального показателя категории определенности-неопределенности, предстоящий путь слишком долог (и неизвестно, так ли уж неизбежен), чтобы уже сейчас говорить о подобных словосочетаниях с числительным со значением 'один' как о сочетаниях с неопределенным артиклем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АРС 1967 – Абазинско-русский словарь. М., 1967.
 Аксенова и др. 1997 – И.С. Аксенова, Э.А. Оссете, И.Н. Топорова. Сказки аква // Язык африканского фольклора: африканская сказка. II. М., 1997.
 Андреев М.С., Пещерева Е.М. 1957 – Ягнобские тексты. М., 1957.
 Аракин В.Д. 1981 – Таитянский язык. М., 1981.
 Арутюнова Н.Д. 1976 – Предложение и его смысл. М., 1976.
 Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. 1983 – Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.
 Баскаков Н.А. 1951 – Каракалпакский язык. Материалы по диалектологии (тексты и словарь). М., 1951.
 Виноградов В.А. 1990 – Артикль // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
 Виноградов В.А., Фофана М.-С. 1997 – Сказки и пословицы сосо // Язык африканского фольклора: африканская сказка. II. М., 1997.
 Гик В.Г. 1988 – Русский язык в сопоставлении с французским. М., 1988.
 Елисеев Ю.С. 1993 – Эстонский язык // Языки мира: Уральские языки. М., 1993.
 Кельмаков В.К. 1981 – Образцы удмуртской речи. Северное наречие и срединные говоры. Ижевск, 1981.
 Кибрик А.Е. 1977 – Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 2. М., 1977.
 Коваль А.И. 1997 – Именные категории в пулар-фульфульде // Основы африканского языкознания. Именные категории. М., 1997.
 Крылов С.А. 1989 – О семантике местоименных слов и выражений // Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир, 1989.

- Крылов С.А. 1997 – Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика. Вып. 35. Opera selecta. М., 1997.
- Кузнецова и др. 1993 – А.И. Кузнецова, О.А. Казакевич, Л.Ю. Иоффе, Е.А. Хелимский. – Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект (учебное пособие). М., 1993.
- ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Миллер Б.В. 1953 – Талышский язык. М., 1953.
- Миллер Б.В. 1930 – Талышские тексты. М., 1930.
- Милых М.К. 1949 – Ногайские тексты // Языки Северного Кавказа и Дагестана. Вып. 2. М.; Л., 1949.
- Мишина К.И. 1960 – Значение и употребление слова "один" в русском языке // Уч. зап. МГПИ. М., 1960.
- Москалев А.А. 1971 – Грамматика языка джоан. М., 1971.
- Николаева Т.М. 1979 – Словосочетания с лексемой "один" // Синтаксис текста. М., 1979.
- Николаева Т.М. 1982 – Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- Николаева Т.М. 1983 – Функциональная нагрузка неопределенных местоимений в русском языке и типология ситуаций // АН СЛЯ. Т. 42. 1983. № 4.
- Падучева Е.В. 1985 – Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
- Ревзин И.И. 1977 – Анкета по категории определенности / неопределенности // Балканский лингвистический сборник. М., 1977.
- РАС 1956 – Русско-абазинский словарь. М., 1956.
- Сердюченко Г.П. 1949 – Абазинские сказки // Языки Северного Кавказа и Дагестана. Вып. 2. М.; Л., 1949.
- СРЯ 1986 – Словарь русского языка. В 4-х т. Т. II. М., 1986.
- Федорова О.В. 1994 – Типология средств интродукции референта. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.
- Чейф У. 1982 – Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.
- ЯЛ 1986 – Язык лаха. Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. М., 1986.
- ЯМ 1986 – Язык мыонг. Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. М., 1986.
- Birkenmaier W. 1976 – Die Funktion von *odin* in Russischen // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1976.
- Chafe W. 1994 – Discourse, consciousness, and time. Chicago, 1994.
- Givón T. 1981 – On the development of the numeral 'one' as an indefinite marker // Folia Linguistica Historica, 2.1. 1981.
- Givón T. 1983 – Topic continuity in discourse: introduction // Topic continuity in discourse: Quantified cross-language studies / Ed. by T. Givón. Amsterdam, 1983.
- Givón T. 1984 – Syntax: A functional-typological introduction. V. I. Amsterdam, 1984.
- Givón T. 1989a – The Grammar of Referential Coherence as Mental Processing Instructions // Institute of Cognitive & Decision Sciences. Oregon, 1989.
- Givón T. 1989b – Mind, code and context: Essays in pragmatics. NJ, 1989.
- Givón T. 1990 – Syntax: A functional-typological introduction. V. II. Amsterdam, 1990.
- Givón T. 1993 – Coherence in text, coherence in mind // Pragmatics and cognition. V. 2. Amsterdam, 1993.
- Grosz B.J., Sidner C.L., 1986 – Attention, intentions and structure of discourse // Am. J. of computational linguistics. V. 12. 1986. № 3.
- Haspelmath M. 1997 – Indefinite Pronouns. Oxford, 1997.
- Payne T. 1988 – Referential distance and discourse structure in Yagua // Studies in language, 12. Amsterdam, 1988.
- Young Linda W.L. 1989 – Shan anthology. Bercly, 1989.